

Царь небес! Успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенья пошли
И на строгий твой рай
Силы сердцу подай.

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ¹ И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА

Впервые Боратынский увидел Москву восьмилетним мальчиком, когда родители привезли его в первопрестольную из тамбовского имения Мара. Но постоянным московским жителем он становится в октябре 1825 года, и с тех пор его творческая деятельность в значительной степени связана с Москвой, с ее культурной средой, литературными салонами и журналами. Здесь он потерял отца, скончавшегося в 1810 году. Здесь же, познакомившись с дочерью отставного генерала Л.Н.Энгельгардта Анастасией Львовной, поэт обрел „нежную подругу“ и „любовь надежную“. 9 июня 1826 года состоялось их венчание. „Я женат и счастлив“, — писал вскоре Боратынский Н.М.Коншину. Женитьба привела его в подмосковную Энгельгардтов — Мураново. В Муранове на берегу „ясного, чистого пруда“ Боратынский в 1842 году построил свой „счастливый дом“, который замыслил как

Приют от светских посещений
Надежной дверью запертой,
Но с благодарною душой
Открытый дружеству и
Девам вдохновений.

По переезде семьи в Москву Евгений Абрамович жил с матерью, сестрами и братом „у Харитона в Огородниках“, то есть в приходе церкви святого Харитония, в Яузской части, в доме 44 по Гусятникову переулку. После женитьбы он поселяется „у прихода Рождества в Столешниках в доме профессора <М.Я.> Малова“. Оба эти дома не сохранились.

Отец А.С.Пушкина Сергей Львович писал дочери Ольге Павлищевой: „Видим Баратынских в Москве очень часто; не зная бессонных ночей на балах и раутах, Баратынские ведут жизнь самую простую: встают в семь часов утра во всякое время года, обедают в полдень, отходят ко сну в девять часов вечера и никогда не выступают из этой рамки, что не мешает им быть всегда довольными, спокойными, следовательно, счастливыми“. Однако сам Боратынский позже назвал прожитые в Москве годы наиболее трудными. В прошлом был Петербург, где он обрел „поэтических братьев“: А.А.Дельвига, А.С.Пушкина, В.К.Кюхельбекера, и 5 лет службы в Финляндии — этот край стал „пестуном“ его таланта: из Финляндии Боратынский, выйдя в отставку, вернулся уже признанным поэтом.

¹ *Современники писали фамилию Евгения Абрамовича через „а“. Так же надписано большинство прижизненных изданий поэта. Написание с буквой „а“ употребляется и сегодня. Однако на титуле итогового стихотворного сборника „Сумерки“ читаем: Боратынский. Автор придерживается именно этого написания как этимологически правильного (фамилия происходит от названия замка, построенного далеким предком Боратынского, — Боратынь, что значит „Божья оборона“).*

Первые московские впечатления Боратынского явно неблагоприятны. „Я скучаю в Москве. Мне несносны новые знакомства. Сердце мое требует дружбы, а не учтивостей... Плачу за приветствия приветствиями и страдаю... Часто думаю о друзьях истинных, о прежних товарищах...“

Но и в Москве постепенно у Боратынского завязываются дружеские отношения, прежде всего с П.А.Вяземским. „Я часто вижу Вяземского, — писал Евгений Абрамович Пушкину в январе 1826 года. — На днях мы вместе читали твои мелкие стихотворения, думали пробежать несколько пьес и прочли всю книгу“. Поэт часто бывал на литературных вечерах Вяземского, гостил у него в Остафьево.

В 1828 году Боратынские переезжают в дом „на Никитскую у прихода Малого Вознесения“, в Большой Чернышевский переулочек (этот дом № 6 по Вознесенскому переулочку существует и ныне, но значительно перестроен). Князь Вяземский жил неподалеку. Их дружба основывалась на сходстве литературных вкусов, а также на „взаимном душевном уважении“. Круг поэтов, в который они входили, считал своим вдохновителем Пушкина. Роль Пушкина в русской литературе Боратынский сравнивал с ролью Петра I в русской истории, однако не стремился подражать ему. Муза Боратынского всегда отличалась „лица необщим выраженьем“. Пушкин это особо подчеркивал: „Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко“. То же писал князь Вяземский А.И.Тургеневу: „Чем больше вижу с Баратынским, тем более люблю его за чувство, за ум, удивительно тонкий и глубокий, раздробительный. Возьми его врасплох, как хочешь: везде и всегда найдешь его с новою, своею мыслью, с собственным воззрением на предмет“.

К концу 1820-х годов имена Пушкина и Боратынского привычно ставились рядом. Пушкин радостно приветствовал вышедший в 1827 году в Москве первый поэтический сборник своего друга: „Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое. Спешим <...> высказать наше мнение об одном из первоклассных наших поэтов <...>. Знатоки с удивлением увидели в первых опытах стройность и зрелость необыкновенную...“

В сентябре 1826 года Пушкин, вернувшись из Михайловского, читал только что оконченную трагедию „Борис Годунов“ у С.А.Соболевского, жившего на углу Собачьей площадки и Молчановки, и у Д.В.Веневитинова. На этих чтениях, по всей вероятности, присутствовал и Боратынский. Судя по письму к А.Муханову (октябрь 1826 г.), Пушкин читал трагедию отдельно Боратынскому в его доме в Столешниках. Боратынский нашел, что это „чудесное произведение <...> составит эпоху в нашей словесности“.

В ту пору стихотворения Боратынского журналы брали нарасхват, как и стихотворения Пушкина. В 1828 году в Санкт-Петербурге вышли под одной обложкой „Две повести в стихах“: „Граф Нулин“ Пушкина и „Бал“ Боратынского. К 1829 году слава обоих достигла, пожалуй, своего апогея. Критик В.Плаксин писал в „Сыне отечества“ за 1829 год, что затрудняется предсказать, на чьей стороне будет первенство. „Время, судья независимый от настоящих успехов, решит, кому будет принадлежать первый венок — Пушкину или Баратынскому“.

В один и тот же день (23 декабря 1829 года) поэты были избраны действительными членами Общества любителей российской словесности при Московском университете. Одновременно они стали и членами Английского клуба.

Родственница А.И.Герцена Т.П.Пассек вспоминала: „Мы увидели Пушкина с хором Благородного собрания. Внизу было многочисленное общество, среди которого вдруг сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодых человека... „Смотрите, — сказали нам, — блондин — Баратынский, брюнет — Пушкин“. Они шли рядом, им уступали дорогу“.

Друзья постоянно виделись у известных московских литераторов: И.И.Дмитриева, П.А.Вяземского, Д.В.Давыдова (в доме последнего Боратынский познакомился со своей будущей женой). М.П.Погодин вспоминал „жаркое литературное время“ (1827 год) в Москве,

когда „вечера, живые и веселые, следовали один за другим, у Елагиных и Киреевских за Красными воротами, у Веневитиновых, у меня, у Соболевского в доме на Дмитровке, у княгини Волконской на Тверской“. В салоне Волконской, который являлся средоточием культурной жизни Москвы („Изящное сборное место всех замечательных и отборных личностей современного общества“, по выражению князя Вяземского), Боратынский бывал постоянно. Здесь он не раз встречался с Адамом Мицкевичем. Боратынский принимал участие в прощальном ужине при отъезде Мицкевича из Москвы на квартире С.А.Соболевского. Московские литераторы поднесли польскому поэту золотой кубок, на котором были выгравированы их имена, в том числе и имя Боратынского.

Кроме салона Волконской, Боратынский посещал „елагинскую республику“ у Красных ворот — салон Авдотьи Петровны Елагиной, племянницы Жуковского. У Елагиных Боратынский познакомился с Н.М.Языковым, В.Ф.Одоевским, С.П.Шевыревым, М.П.Погодиным. Особенно близко он сошелся с сыном Авдотьи Петровны Иваном Васильевичем Киреевским. „Ты меня понял совершенно, — писал он Киреевскому, — вошел в душу поэта, схватил поэзию, которая мне мечтается, когда я пишу...“

В круг Киреевских-Елагиных входил Д.Н.Свербеев. Аристократический философско-литературный салон его жены Е.А.Свербеевой, урожденной Щербатовой, Боратынский тоже посещал в конце 1820 — начале 1830-х годов. Тогда же Боратынскому представили молодую поэтессу К.К.Яниш, позднее обвенчавшуюся с его приятелем литератором Н.Ф.Павловым. Каролина Павлова стала страстной почитательницей поэзии Боратынского, многие его стихотворения она перевела на немецкий язык и до смерти Евгения Абрамовича оставалась его искренним другом.

Был дружен Боратынский и с поэтом, министром юстиции Иваном Ивановичем Дмитриевым. Дмитриев жил на Спиридоновке в доме № 17. Когда в 1835 году Боратынский купил там собственный дом, они оказались соседями. В 1820-х годах у Дмитриева собиралась „вся пишущая братия“. Здесь кипели жаркие споры о романтизме и классицизме. Один из современников вспоминает высказывание Боратынского о новой литературе, которую стали называть романтической: „Всякое общество иначе не должно начинаться, как подражанием. Но у людей с дарованием самые подражания проявляются в особенных образцах, свойственных их понятиям, их гениальным воззрениям на предмет. — То же да иначе. Отселе происходят новые формы для изображения мыслей...“ Дмитриева и Карамзина Боратынский считал писателями, явившимися в русской литературе с новым словом, с новыми оборотами и с новыми формами речи, открывшими „новый путь к изложению... мыслей“, то есть первыми „романтиками“.

Со второй половины 1820-х годов Боратынский активно сотрудничает с московскими журналами. Московская журналистика начала николаевского царствования значительно отличалась от петербургской. „В Москве журналы идут наряду с веком“, — писал Н.В.Гоголь („Петербургские записки 1836 года“). Годом раньше в „Путешествии из Москвы в Петербург“ Пушкин утверждал: „Литераторы петербургские, по большей части, не литераторы, но предприимчивые и смысленные литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы“. На журнальных страницах шла борьба между дворянским („аристократическим“) и „демократическим“ направлениями в поэзии. Поэты пушкинского круга ратовали за высокое искусство, независимое от „презренной пользы“, и боролись против прагматичного духа чуждого им направления. В 1825 году Боратынский писал И.И.Козлову, автору поэмы „Чернец“ и переводчику знаменитого „Вечернего звона“: „Наши журналисты <...> ставят себя нашими судьями при помощи своих ростовщических средств <...>. Они <...> составили будто бы союз против всего прекрасного и честного“. В послании „Богдановичу“ Боратынский выразил эту мысль в стихах:

*Дарует между нас и славу и позор
Торговой логики смысленный приговор.*

С января 1825 года братья Н. и Кс. Полевые и князь Вяземский начали издавать журнал „Московский телеграф“, который поначалу произвел впечатление „изумительного явления“ (В.Г.Белинский). Сотрудниками журнала становятся А.С.Пушкин, В.Ф.Одоевский и другие писатели-„аристократы“. Девять стихотворений публикует здесь и Боратынский. В рецензии на поэмы Боратынского „Эда“ и „Пиры“, помещенной в „Московском телеграфе“ (1826, ч.8), Николай Полевой отмечал: „Имя Боратынского принадлежит числу почтеннейших имен нового поколения русских поэтов. В романтической поэзии он самостоятельный поэт, не подражатель, но творец, и в том роде, в котором он пишет, донныне никто с ним не сравнился. Область Боратынского в русской поэзии есть элегия...“

Но уже в 1827 году произошел разрыв дворянских писателей с издателем „Московского телеграфа“ Н.А.Полевым из-за его „буржуазного прогрессизма“. Боратынский активно включается в журнальную полемику по главным вопросам общественной и литературной жизни, в итоге которой возник журнал „Московский вестник“. Редактором стал М.П.Погодин, известный историк и журналист. На Петровке, в доме А.С.Хомякова, состоялся обед в честь основания журнала, где присутствовал и Боратынский. „Московский вестник“ начал выходить с февраля 1827 года и сразу повел борьбу с „Московским телеграфом“ и петербургскими изданиями Ф.В.Булгарина и Н.И.Греча („Северная пчела“ и другие). В нем участвовали примыкавшие к „Обществу любомудрия“ Д.В.Веневитинов, В.Ф.Одоевский, А.С.Хомяков, С.П.Шевырев и братья Киреевские.

Новый журнал сразу же украсили более двадцати стихотворений Пушкина, а также отрывки из „Бориса Годунова“, „Евгения Онегина“, „Графа Нулина“. Несколько стихотворений помещает в „Московском вестнике“ и Боратынский. „Любомудрам“, молодым последователям немецкой идеалистической философии, была близка философичность поэзии Боратынского. Они ценили его за ум, „чрезвычайно ясный, отчетливый, не останавливающийся на поверхности предметов“; за то, что поэт не боялся „затрагивать самые трудные вопросы“ (Кс. Полевой). В свою очередь, Боратынский разделял идеи любомудров о слиянии поэзии и философии. Однако пришедшее „из Германии туманной“ учение не слишком увлекло Боратынского (например, в поэтических опусах С.П.Шевырева он усматривал „метафизику слишком темную“).

В 1830 году „Московский вестник“ прекратил свое существование. Боратынский и Пушкин мечтают о новом журнале, способном в полной мере противостоять „торговой логике“. Поэтому Евгений Абрамович с энтузиазмом воспринял весть о намерении И.В.Киреевского издавать журнал „Европеец“. Осенью 1831 года он обещает представить материалов на целый номер, заверяя, что станет „непременным и усердным сотрудником“; Боратынский даже собирается перейти на прозу и доставлять Киреевскому в год „две-три повести“. „Твой журнал очень возбуждает меня к деятельности“, — пишет он Киреевскому в октябре 1831 года из казанского имения жены, восторгаясь первым номером „Европейца“. „Я должен писать к спеху, чтобы писать много. Мне нужно предаваться журнализму, как разговору, со всей живостью вопросов и ответов, а не то я слишком сам к себе требователен, и эта требовательность часто охлаждает меня и к хорошим моим мыслям. Между тем все, что удастся мне написать в моем уединении, будет принадлежать твоему журналу“.

В „Европейце“ были опубликованы несколько эпиграмм Боратынского, повесть „Перстень“, послание „Н.М.Языкову“, стихотворение „В дни безграничных увлечений...“ Евгений Абрамович сообщает, что в Казани журнал нашли „умным, и ученым, и разнообразным“. „Поверь мне, русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить. Давай им пищу...“

Но уже третий номер не вышел из печати — журнал был закрыт. „От запрещения твоего журнала не могу опомниться, — пишет Боратынский Ивану Васильевичу 14 марта 1832 года. — Что после этого можно предпринять в литературе? Я вместе с тобой лишился сильного побуждения к трудам словесным“.

В марте 1835 на смену „Московскому вестнику“ и „Европейцу“ приходит „Московский наблюдатель“ — литературный журнал, издававшийся в складчину „любомудрами“ и членами

круга Елагиных-Киреевских. Он продолжил борьбу с „торговым направлением“ в литературе, открывшись программной статьей С.П.Шевырева „Словесность и торговля“, очень созвучным которой оказалось помещенное здесь же стихотворение Боратынского „Последний поэт“:

*Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.*

Однако уже к 1836 году отношения Боратынского с журналом заметно охлаждаются, и поэт прекращает писать для него. Тем не менее общение Боратынского с кругом „Московского наблюдателя“ не прерывается. Он часто видится с А.С.Хомяковым. В январе 1833 года Алексей Степанович читает в доме Боратынских свою трагедию „Дмитрий Самозванец“.

Писатель и журналист Н.М.Мельгунов в одном из писем рисует картину литературной московской жизни того времени: „...по пятницам у Свербеевых, по воскресеньям у Киреевских, иногда по четвергам у Кошелевых и время от времени у Баратынского... Хомяков спорит, Киреевский поучает, Кошелев рассказывает, Баратынский поэтизирует, Чаадаев проповедует или возводит очи к небу...“

Что касается собственно поэтического творчества Боратынского в московский период, здесь им написано не так уж много. Впрочем, он никогда и не был плодовитым автором — в частности, из-за чрезвычайной требовательности к себе. Тем не менее Москва оказалась родиной всех трех прижизненных собраний стихотворений поэта: сборника 1827 года, собрания 1835 года в двух частях и последней книги „Сумерки“ 1842 года.

Восторженная рецензия Пушкина на сборник „Стихотворения“ 1827 года и воодушевление, с каким приняли книгу друзья, остались в прошлом. Отношение современников к творчеству Боратынского менялось. Он встречает как поэт все меньше сочувствия у читающей публики. Не получила признания напечатанная в 1831 году в Москве поэма „Наложница“ (названная потом „Цыганка“), хотя автор считал ее самой совершенной своей поэмой. Проповедник „идеи народности“ в литературе В.Г.Белинский утверждал по поводу стихов Боратынского, что „поэзия только слабыми искорками блестит в них“. Музу Боратынского критик характеризует как „светскую, паркетную“.

В 1832 году на страницах „Московского телеграфа“ появились выпады и в адрес Пушкина: он-де перестал выражать „думы и мечтания своих современников“. На самом деле гений поэтов перерос эти „думы и мечтания“; современники уже не в состоянии были „дослышать все оттенки их лиры“ (выражение И.В.Киреевского).

В статье о Боратынском 1830 года Пушкин дает сему такое объяснение: „Юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же, разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни“.

Сторонясь „журнальной черни“, Боратынский пишет, что „время индивидуальной поэзии прошло, другой еще не наступило“. Он намерен „на время, и даже долгое время, перестать печататься“. Чувство одиночества усугубляется потерей близких сердцу людей. Поэт был „болен от огорчения“, когда узнал о смерти А.А.Дельвига, скончавшегося 14 января 1831 года. 27 января в ресторане „Яр“ товарищи совершали тризну по Дельвигу.

Отдалился от друзей-поэтов и собиравшийся жениться Пушкин. В своей новой квартире на Арбате он устроил „мальчишник“. Пушкин был грустен — возможно, предчувствуя вечную разлуку. Последняя его встреча с Боратынским произошла в мае 1836 года в доме Боратынских на Спиридоновке.

Без видимых причин в 1834 году разладились отношения с И.В.Киреевским. Боратынский впал в хандру. От полного уныния его спасали только постоянные хлопоты по имениям жены под Казанью и в Муранове.

“Грозовым ударом“ явилась для Боратынского весть о „погибели“ Пушкина. „Как русский, как товарищ, как семьянин скорблю и негодую. Мы лишились таланта первостепенного... Не могу выразить, что я чувствую; знаю только, что я потрясен глубоко и со слезами, ропотом, недоумением беспрестанно себя спрашиваю, зачем это так, а не иначе?“ (из письма князю Вяземскому).

Постепенно Боратынский перестает сколько-нибудь заметно участвовать в литературной жизни Москвы. В письме к П.А.Плетневу в Петербург он признается: „...давно, давно не пишу стихов“. В то время московское общество, как замечает Боратынский, разделяется „на маленькие кружки, а точнее, все наносят друг другу частные визиты, не оставляющие в душе ничего, кроме усталости...“ „Москва нынче просто невыносима, — пишет он матери осенью 1838 года. — Почти не осталось приличных домов. Смерть старой Пашковой лишила нас единственного дома, гостеприимного на старый лад, где принимали всех, старых и молодых, в каком-либо роде замечательных персон, не исключая даже и тех добрых людей, которые более всего любят посидеть за партией в вист“. О запустении Москвы в 30-е годы говорил еще Пушкин в „Путешествии из Москвы в Петербург“:

“...огромные боярские дома стоят печально между двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым... На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает“.

Москва и московские знакомые теряют для Боратынского всякую привлекательность. Он стремится в Петербург к друзьям молодости, литературным единомышленникам. Поездка состоялась лишь зимой 1840 года. В Петербурге Боратынский возобновляет старые связи: Плетнев, Карамзины, Вяземский, Одоевские. У В.Ф.Одоевского он знакомится с Лермонтовым и находит его несомненно талантливый, но каким-то нерадушным („морально мне не понравился“).

Особенно памятной стала встреча с В.А.Жуковским, когда они разбирали бумаги покойного Пушкина. „Все последние пьесы его отличаются <...> силой и глубиной. Он только что созрел. Что мы сделали, россияне, кого погребли!“ Жуковский отдал Боратынскому пушкинскую тетрадь с незавершенными статьями о нем.

В северной столице Боратынский, пользуясь „благорасположением всего <...> общества“, заметно приободрился. Анастасия Львовна сообщает матери поэта, что Боратынский был принят как „общепризнанная знаменитость“.

В Москве все оставалось по-прежнему. 9 мая 1840 года Боратынский был на обеде, устроенном в честь именин Н.В.Гоголя в доме М.П.Погодина на Девичьем поле. Присутствовали профессора Московского университета, в частности С.П.Шевырев, актеры М.С.Щепкин, П.М.Садовский, писатели „старой гвардии“ П.А.Вяземский, П.Я.Чаадаев, А.И.Тургенев и молодые славянофилы К.С.Аксаков и Ю.Ф.Самарин. Здесь Боратынский еще раз встретился с Лермонтовым.

Не найдя общего языка со славянофилами, Боратынский отказался сотрудничать в „Москвитянине“, которым руководили М.П.Погодин и С.П.Шевырев. Все написанное в конце 1830 — начале 1840-х годов Боратынский отправляет в Петербург. Намереваясь поселиться там, он просит С.А.Соболевского подыскать ему квартиру „между Ираклием и Путятами“ (брат поэта Ираклий Абрамович и семья его зятя Н.В.Путяты).

В 1841 году поэт увлечен хозяйственной деятельностью в Муранове. Он пишет матери: „Мне предстоит докончить несколько построек и выполнить много земельных работ. Затем наступят полевые работы, в которых я также принимаю участие, ибо не могу выйти из дома, не увидев земледельцев за их делом...“ Из письма к П.А.Плетневу: „...я строю, сажу деревья, сею, не без любви к этим мирным занятиям и прекрасной окружающей меня природе...“ Однако жизнь помещика влечет Боратынского не только сама по себе: „Моя энергическая деятельность

— по сути дела не что иное, как следствие глубокой потребности в покое и тишине“. Покой и тишина необходимы для творчества. В том же письме Плетневу Боратынский сообщает, что у него „много готовых мыслей и форм“.

В Москве Боратынский бывает еще довольно часто. Но всеми помыслами он — в „милой стране“, где вдали от сует света мирно текут дни, наполненные повседневными трудами и заботами о растущем семействе. В одном из писем Боратынский признается, что страдает „семейной болезнью-манией строительства“. Купив на Спиридоновке двухэтажный каменный дом (не сохранился), он существенно его перестроил, приспособив для сдачи внаем. Сначала сдавался первый этаж, а затем — и дом целиком. Оставив за собой только флигель, Боратынские окончательно переезжают в Мураново, где Евгений Абрамович незамедлительно приступает к разборке старого дома Энгельгардтов и к возведению на его месте по собственным чертежам и планам нового.

Во время строительства Боратынские нанимали жилье в соседней деревне Артемово у господ Пальчиковых. „Мы живем в столь глубоком уединении, <...> что все новости, которые я могу вам сообщить, касаются только нашего здоровья, слава Богу, хорошего <...> Подмосковная усадьба зимой — убежище куда более мирное и тихое, нежели деревня в глубине России“. Семья лишь время от времени бывает теперь в Москве — когда не препятствует распутица. Старшие дети занимаются с учителями, среди которых есть иностранцы. „Жизнь наша течет в высшей степени однообразно. Часы отличаются один от другого лишь различными уроками детей да разными музыкальными пьесами, которые они разучивают“.

В 1842 году строительство было в основном завершено. „Новый дом в Муранове уже год под крышей и отштукатурен, внутри осталось настелить полы, навесить двери и вставить оконные рамы. Получилось славно...“ „Дом в Муранове — прелесть, особенно внутреннее расположение. Оригинально и со вкусом“, — писал жене Н.В.Путята, посетивший усадьбу уже после смерти Евгения Абрамовича.

В декабре Боратынский сообщает матери о переезде. В семье все благополучно: дети (их семеро) продолжают учиться и делают заметные успехи. Дом походит на „маленький университет“. Сын Лев обнаруживает склонность к сочинительству, и его первую „стихотворную этюду“ отец приветствует стихотворением „Здравствуй, отрок сладкогласный...“

1842 год был итоговым и для Боратынского-поэта. В мае в Москве вышел сборник „Сумерки“, состоящий из 26 стихотворений. Боратынский стремился поделиться с читателем „разнообразными открытиями зрелой жизни“, однако живого отклика почти не встретил. М.Н.Лонгинов писал, что „Сумерки“ произвели в публике „впечатление привидения, явившегося среди удивленных и недоумевающих лиц“. Кончалась пушкинская эпоха. Рядом оставались лишь немногие верные, понимающие души, в их числе — П.А.Вяземский, „звезда разрозненной плеяды“, которому адресовано стихотворное посвящение.

В сентябре 1843 года, отправляясь в европейское путешествие, Боратынский с семьей прибыл в Петербург. Здесь Евгений Абрамович в последний раз виделся с друзьями — Плетневым, Вяземским, Соболевским, Одоевским.

В 1844 году 11 июля (29 июня по старому стилю) он скорпостижно скончался в Неаполе. Через год тело поэта было перевезено на родину и похоронено на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Через год осиротевший мурановский дом посетил Н.В.Путята: „Тут все живо напоминает покойного Евгения. Все носит свежие следы его работ, его дум, его предположений на будущее. В каждом углу, кажется, слышим и видим его...“